

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

Е. Панфилова

Коррупция: масштабы катастрофы

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Panfilova_Tetr_53.pdf

Перепечатка с сайта Московской школы
политических исследований

<http://msps.ru>

URL: <http://www.civisbook.ru>

19–22 ноября 2010 г. Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр) провел опрос по репрезентативной выборке 1593 россиян в возрасте 18 лет и старше в 127 населенных пунктах 44 регионов страны. При ответе на вопрос: «Что сейчас, на ваш взгляд, прежде всего необходимо для укрепления законности и порядка в стране» — россияне хотят, чтобы наказания за нарушение законов стали более жесткими (так считают 37% опрошенных; в 2000 г. было 38%) и неотвратимыми для всех — 42% (в 2000 г. — 34%). При этом 40% населения считает, что необходимо бороться с коррупцией, взяточничеством и произволом в госорганах (в 2000 г. — 31%).

*Елена Панфилова,
директор Центра
антикоррупционных
исследований и инициатив
«Трансперенси Интернешнл —
Россия»*

Коррупция: масштабы катастрофы

Как только мы начинаем говорить о коррупции, выясняется, что у каждого по этому поводу есть собственное мнение. Переубедить или каким-то образом изменить эти мнения, особенно если они основаны на личном опыте, например таком, как общение с сотрудниками ГИБДД, довольно сложно. Поэтому остановлюсь вначале на подмене понятий и логических ошибках, которые мы совершаем в разговорах на эту тему.

Главная ошибка — терминологическая. Существует стойкое убеждение, что коррупция равнозначна взяточничеству, и, соответственно, борьба с коррупцией ошибочно сводится к борьбе с взяточничеством. Такое понимание сложилось в силу того, что до декабря 2008 года в России не было законодательного определения коррупции. Говорили о подкупах, об административном ресурсе, о приватизации, о той же ГИБДД, об олигархах. Но единого знаменателя в этих разговорах не было. До сих пор никто не представляет, как правильно толковать коррупцию и какой посыл должен быть у антикоррупционной рекламы. Призывать «не берите взятки» — смешно, «не давайте взятки» — еще смешнее.

Несколько лет назад я выступала во ВНИИ МВД России, где рассказывала о коррупции, и среди прочего упомянула такую популярную у нас форму этого явления, как «откат». После выступления ко мне подошел некий государственный деятель, который сейчас является депутатом, и поправил, что «откат» — это не коррупция, а «экономический инструмент». С ним

трудно спорить, действительно, откат стал у нас коррупционным экономическим инструментом. И приведу еще один термин, который не переводится ни на один язык мира, — «норма отката». Наверное, этот феномен можно определить как договоренную процентную ставку от суммы сделки, которую отдают чиновнику, чтобы получить контракт. В результате действия этой нормы товары народного потребления поставляются либо худшего качества, либо становятся дороже на 10–15%, строительство — на 40%, дороги — на 50% и т.д.

Согласно исследованию 2005 года «Диагностика российской коррупции», проведенному фондом ИНДЕМ, коррупционный рынок в России составляет порядка 300 миллиардов долларов в год. Отдать такую сумму в конвертах невозможно. Соответственно, речь идет об огромных деньгах, которые не являются взятками в традиционном понимании. Это те самые откаты, платежи, заложенные в стоимость конечных продуктов или услуг, которые мы не видим и не можем потрогать. Поэтому когда опросы населения выявляют, что лишь 15% россиян сталкиваются с реальной коррупцией — это великое лукавство. Коррупция вокруг нас и абсолютно везде. Это образ жизни. Она проникла практически во все сферы общественных отношений. И что самое неприятное, далеко не все хотят от нее избавиться.

Она в муниципальном жилье, квадратный метр которого стоил в 2000 году 300 долларов, а сейчас, во время кризиса, — 1500. Она в литре молока, которое выходит с фермы за 8 рублей, а доставляется в магазин по 40. Экономического объяснения этому феномену не существует, только житейское. Бизнес — не благотворительность. И за все откаты и проверки, от которых плачут предприни-

матели, в конечном итоге платит потребитель. Либо продукцию делают поуже, чтобы компенсировать затраты, либо коррупционную ренту ставят непосредственно в ценник. А государство получает коррупционный же налог от продаж.

Открытие нашего Центра 10 лет назад совпало с приходом молодого президента с правоохранительным прошлым. Когда он заговорил о прозрачности и подотчетности и о том, что коррупция в стране грозит перерождением демократических устоев общества в их противоположность, мы подумали, что Центр появился вовремя, и наконец удастся переломить ситуацию. Но дальше слов дело не двинулось. Борьба с коррупцией была, но она была вербально-риторической. О ней говорили, ее признавали, а реализовывали в какие-то действия только в год перед выборами. Вспомним, когда возник термин «оборотни в погонах», — летом 2004 года. Следовательно, каждое четвертое лето некоторым следует быть слегка осторожнее.

Представим, что кому-нибудь из нас просто так, с неба, падают 10 из упомянутых 300 миллиардов долларов. Мы бы боролись за них? И коррупционеры борются. Потому что коррупция — самый высокодоходный сегодня бизнес в России. Он доходнее энергетики — нефть и газ еще надо добыть и продать. Высокая же коррупция — это сладостно-упоительный и не требующий усилий процесс, когда просто факт существования человека на определенном посту приносит доход. Этот счастливчик сидит в ресторане «Пушкин» и говорит: «Хорошо, я позвоню». И за три слова ему переводят энную сумму на указанный счет. Поэтому такие люди и «борются» с коррупцией. Реальной же борьбы с ней, по моему мнению, вообще никто не хочет. Большинство

населения РФ предпочло бы, чтобы возможность заплатить гаишнику, устроить ребенка в детский сад или быстро и в обход очереди получить паспорт осталась, но те, кто наворовал при этом, висели на Лобном месте.

Мы все приняли своеобразную конвенцию по отношениям с властью хороших парней, согласно которой предпочитаем откупаться от малоприятного общения с плохими парнями. И тогда по поддельной справке в детский сад устраивается работать человек, больной гепатитом. Он так же, как хорошие и здоровые люди, обошел закон и купил нужный документ. Казалось бы, какое нам дело до кем-то покупаемых пожарных проверок, когда других проблем полно? Попробуйте спросить семьи пострадавших в «Хромой лошади»: «Что с того что сотрудники милиции берут небольшие взятки, им ведь тоже детей кормить надо»? А каково людям, чьи дети погибли на двух самолетах в сентябре 2004 года, куда террористки-смертницы прошли без проверки, заплатив 5 тысяч рублей. Речь идет уже не о виртуальных, а реальных жертвах коррупции. Мы их не видим, мы их не знаем, но они есть.

Зазор между «я» и «они», коррупцией и коррупционерами, отношением к коррупции прикладной и теоретической создает бескрайнее поле для антикоррупционного саботажа. На его благодатной почве зреют всевозможные оправдания родной коррупции, дескать, она нам имманентна в силу культурной парадигмы, и вообще во всем виноват Иван Грозный, а с нас взятки гладки.

Если поверить в некую генетическую предрасположенность к коррупции, то надо признать, что Бог большой затейник, коль так особенно щедро наделил геном коррупции Россию.

Отечественная коррупция действительно коренится глубоко, но вовсе не в генетике, а в природе взаимоотношений власти и общества в нашей стране. Так сложилась история государства российского, что власть всегда была в первую очередь озабочена у нас сохранением самой себя. То татары набегают, то брат двоюродный поджигает. И лучшая защита в таком положении — окружить себя коррумпированной бюрократией, которая играет роль своеобразной страховки от возможных социальных потрясений. Поскольку коррумпированный бюрократ никогда не переродится в средний класс, способный на революцию. Самозащита власти разными способами и выращивание коррумпированного сословия стали нормой существования в России.

Тем, кто утверждает, что в СССР не было коррупции, я предлагаю вспомнить «Березку» и «спецмагазины» в подвалах. Или как распределялись путевки на отдых, талоны на вещи и пр. Коррупция прекрасно мимикрирует и перерождается, превращаясь в абсолютно дикое поле, как в 1990-е годы. Тогда все хватало, что есть. Просто хватать было особо нечего, и коррупция оставалась относительно умеренной в силу объективных причин. Но с ростом цен на нефть, с 7 долларов за баррель в 1990-е до 200 в нулевые, коррупция становилась более структурированной и приобрела масштабы национальной катастрофы.

В феврале 2008 года, как раз после первых антикоррупционных заявлений Медведева, меня пригласили в московское правительство прочитать цикл лекций о конфликте интересов. Стало очевидно, что чиновники в принципе вроде бы понимают, что такое «конфликт интересов», но нет концептуального понимания того, что они должны избегать ситуаций, когда их финансо-

Энрике Жезик. Упражнение (50 патронов 12-го калибра). 2006

во-экономические интересы могут реализовываться в результате их должностных полномочий. Концептуальное непонимание — не их вина, это их огромная беда. Антикоррупционный закон 2008 года подразумевает, что чиновники служат обществу, которое их нанимает, но ведь они всю жизнь воспитывались на принципах служения государству. А мера ответственности перед обществом и перед государством суть разные вещи.

Что же подвигло нашего президента к разговору о борьбе с коррупцией? Почему Дмитрий Анатольевич все это затеял? Потому что система теряет управляемость. В какой-то момент появляется 301-й миллиард, который нарушает баланс. Вдруг выясняется, что интересы личного незаконного обогащения перевешивают интересы власти, создают угрозу ее стабильности. А ведь речь идет об инновационных проектах, инвестициях... И тут

власть и общество неожиданным образом становятся союзниками в борьбе с коррупцией. Но ожидать, что общество поддержит власть, могут только легитимные органы власти. Граждане должны верить руководителям и чувствовать сопричастность их действиям. Беда, однако, в том, что честные выборы, независимый суд и свободные СМИ власть до сих пор считает угрозой для своей безопасности. Что нужно, чтобы она наконец осознала, что без реальных институциональных изменений борьба с коррупцией обречена на провал, а о модернизации страны можно забыть? Каким образом преодолеть политические препятствия, не позволяющие утвердить в стране верховенство права, поскольку они остаются самой большой помехой для осуществления модернизации? Ответы на эти вопросы я надеюсь получить от участников школьных семинаров и читателей журнала.